

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-152-160>

РОЛЬ МОНАРХА В ЦЕРКОВНОМ ПРАВОСУДИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII В.

Марина Андреевна Белоусова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

marina.a.belousova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о том, предоставлял ли титул главы Российского государства в XVIII в. также полномочия в сфере церковного правосудия, и в какой мере императоры пользовались этими полномочиями. Актуальность исследования обуславливается недостаточной изученностью истории церковного суда в России XVIII в. и, в особенности, роли монарха в духовном правосудии. В работе использованы исторический и логический, а также сравнительный и историко-правовой методы. Сделан вывод о том, что монарх благодаря своему особому положению в Русской Православной церкви XVIII в. не просто имел возможность отправлять церковное правосудие, являясь экстраординарным звеном судебной системы, но и мог ставить себя выше церковного права в интересах собственных представлений о государственной целесообразности.

Ключевые слова: церковный суд; император; Русская Православная церковь; судебная система; история правосудия; Глава Церкви.

Для цитирования: Белоусова М. А. Роль монарха в церковном правосудии Российской империи XVIII в. // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 152–160. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-152-160>

Research Article

THE ROLE OF THE MONARCH IN THE ECCLESIASTICAL JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH CENTURY

Marina A. Belousova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
marina.a.belousova@yandex.ru

Abstract

The article deals with the question of whether the title of the head of the Russian state in the 18th century also granted powers in the sphere of ecclesiastical justice, and to what extent the emperors used these powers. The relevance of the study is conditioned by the insufficient study of the history of church court in Russia in the 18th century and, in particular, the role of the monarch in ecclesiastical justice. The work uses historical and logical, as well as comparative and historical-legal methods. It is concluded that the monarch, due to his special position in the Russian Orthodox Church of the 18th century, not only had the opportunity to administer ecclesiastical justice, being an extraordinary link in the judicial system, but could also put himself above ecclesiastical law in the interests of his own ideas of state expediency.

Keywords: church court; emperor; Russian Orthodox Church; judicial system; history of justice; Head of the Church.

For citation: *Belousova M. A. The Role of the Monarch in the Ecclesiastical Justice of the Russian Empire in the 18th Century. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 152–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-152-160>

Введение

История церковного суда в Российской империи XVIII в. является одним из малоизученных разделов истории церковного права. Так, при всей кажущейся очевидности вопроса, в полной мере не очерчена церковно-судебная система: в научной литературе пока не определены с достаточной степенью доказанности границы компетенции органов церковного правосудия, а также форматы их взаимодействия.

В частности, обделенной вниманием исследователей оказалась фигура императора как лица, осуществлявшего церковно-судебные полномочия. Участие лично монарха в деятельности светского суда уже рассматривалось в научной литературе [1]. Статус российского монарха как участника церковного правосудия объектом отдельного исследования вовсе не становился. В данной статье предпринята попытка восполнения этого пробела.

1. Император как глава Русской Православной церкви

Вопрос роли императора в деятельности церковного суда прежде всего выводит на проблему специфики положения монарха в системе управления Русской православной церкви в XVIII в.

Здесь необходимо сделать оговорку об особенностях изучения механизма высшей власти в государстве, формой правления которого является абсолютная монархия: имеют место некоторые затруднения в связи с определением функций правителя. Полномочия абсолютного монарха, в том числе и в вопросах правосудия, не ограничивались законом, а потому не определялись в нормативных правовых актах. Этот факт создает некоторые проблемы для исследования, принуждая обратить особое внимание на политическую идеологию и практику деятельности монарха в судебной сфере.

В XVIII в. впервые в русской истории на законодательном уровне упоминается власть монарха как главы Русской Православной Церкви. В присяге Членам Духовной Коллегии (присяге, приносимой членами Святейшего Синода при вхождении в должность), которая была помещена в Духовный Регламент 1721 г., император именовался «Крайним Судией Духовной сея Коллегии». В связи с тем, что Духовная Коллегия (позднее – Святейший Синод) возглавляла всю церковную систему, это выражение автоматически читалось как «Крайний Судия» всей Русской Православной Церкви. Позднее в переписке Екатерина II назовет себя *Chef d'Eglise Grecque* (Главой Греческой Церкви) [2, с. 60].

Формально такое выражение, использованное в тексте присяги, не означало юридического закрепления статуса российского императора как главы Церкви. Однако, как уже было сказано, никакого нормативного закрепления для полномочий абсолютного монарха и не требуется. Очевидно, на протяжении всего XVIII в. император уже воспринимался подданными и видел себя как главу Церкви, а присяга или переписка являлись лишь свидетельством очевидного.

В 1797 г. Акт о престолонаследии Павла I прямо назовет российского государя Главой Церкви, однако и это упоминание было проходным, мимолетным. В документе совершенно не наблюдается пафоса новизны, который должен был бы присутствовать при установлении столь значимого факта. Поэтому следует согласиться с выводом исследователей о том, что и это было лишь официальным упоминанием обычно-правовой нормы [3, с. 261–262].

С точки зрения православия Главой Церкви является Иисус Христос (Еф.1:22), и предоставление подобного титула императору было неправильным с канонической точки зрения. Одним из первых заявил об этом церковный деятель печальной судьбы бывший митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич). Он отказался принести присягу императрице Елизавете Петровне по форме, установленной Духовным Регламентом, именно на основании неправильности именования монарха «Крайним Судией» [4, с. 389].

Вряд ли следует видеть в формулировке присяги осознанное кощунство и попытку поставить императора на место Спасителя. При всем тяготении петровской эпохи к светскости, и Петр I, и его наследники оставались православными.

Вероятнее всего, то, что российские императоры в XVIII в. оказались во главе РПЦ и, как следствие, церковного суда, объясняется двумя тенденциями: с одной

стороны, усилившейся в XVII в. сакрализацией монарха по византийскому образцу, воплощенной во власти царя (императора) над всей церковной системой и придании ему архиерейских правомочий, а с другой стороны – установлением статуса монарха как главы Церкви по примеру протестантских государств.

Данную проблему серьезно разработал Б. А. Успенский. В трудах, посвященных семиотике истории, ученый показал, что, хотя на уровне восприятия проводимые Петром I преобразования выглядели как оскорбление для православных подданных, на самом деле они во многом являлись продолжением тенденции предыдущего правления по полному подчинению Церкви воле монарха, как это имело место в Византии [3, с. 228]. Как отмечает протоиерей Валентин Асмус, фактически Петр действовал в рамках идеи «симфонии», разработанной византийским императором Юстинианом I и легитимизировавшей широкие полномочия монарха в церковной сфере, отсутствие жесткого разграничения между священством и царством [5, с. 38]. В ходе исторического развития Византийского государства сформировалось негласное правило, согласно которому при противоречии номоса (государственного закона) и канона (церковного предписания) предпочтение могло отдаваться номосу в порядке государственной целесообразности (*Staatsräson*) [6, с. 9].

Удивительно, что, хотя на встраивание церковного управления в общегосударственную систему и, соответственно, помещение императора во главе Церкви и церковного суда Петра вдохновил протестантский опыт, эти преобразования на глубинном уровне были движением в прежнем, византийском направлении сакрализации власти царя.

Манифестации самосознания монарха как главы Церкви можно видеть и в отмене патриаршества Петром I, и в слухах о самостоятельном причащении Павла I [7, с. 249–250]. В рамках становления этой новой функции императора вполне логичным было приобретение им полномочий высшей судебной инстанции.

Кроме того, в ходе петровских преобразований Церковь была включена в государственный механизм, а потому, в связи с отсутствием отделения суда от администрации, в определенной мере оказался включенным в общую систему российского правосудия и церковный суд.

2. Участие монарха в конкретных церковно-судебных делах

Помимо чисто ритуального оформления многих решений Синода в виде указов его (ее) императорского величества по определению Святейшего Синода, что, по всей видимости, нельзя считать настоящим участием монарха в церковном правосудии, известны случаи, когда императоры самостоятельно принимали решения по духовным судебным делам.

Одной из самых популярных категорий дел для вмешательства монарха являлись одновременно самые популярные церковно-судебные дела – по брачным вопросам [8, с. 27–28]. Особенно это касалось браков представителей высшего сословия – дворянства, семейные драмы которого разворачивались на глазах императоров и императриц или легче доносились до высочайшего слуха. Известен случай фрейлины Е. К. Разумовской, обвинявшейся с графом П. Ф. Апраксиным невзирая на наличие у того живой жены. Екатерина II, формально обещав реше-

ние по всей строгости закона, фактически посоветовала брошенной супруге удалиться в монастырь, а новый брак сохранила, что противоречило установленным нормам [9, с. 122].

Этот случай не был единичным. Еще Елизавета Петровна в менее громком деле прокурора Петра Николаева своим повелением сохранила брак при обручении невесты с другим в противность церковным правилам, а также впредь обязала Синод представлять решения по подобным делам на высочайшую конфирмацию [10, Общее приложение к собранию, № 9088a]. П. Л. Полянский отмечает, что позднее, рассматривая в 1749 г. дела о двоеженстве А. Шеншина и Щербинина, императрица обязала Синод предоставлять решения по подобным делам на утверждение монарху [9, с. 88], однако это указание было лишь повторением того же обязательства, установленного по решению дела прокурора Николаева 1744 г. [10, Общее приложение к собранию, № 9088a]. В 1752 г. императрица потребовала присылать на ее обязательное утверждение также дела по разлучению супругов, пребывающих в кумовстве [11, № 1316].

Прямое вмешательство монарха в церковно-судебные вопросы также могло быть вызвано общественным резонансом, поднимаемым преступлением. Так, Екатерина II лично занималась решением дела убийцы матери и сестры бывшего каптернамуса Алексея Жукова и его жены Варвары в 1766 г. [12, № 12600]. Хотя рассмотрение убийства подлежало светскому суду, в рамках религиозного мировоззрения убийство столь близких родственников рассматривалось в первую очередь как страшное преступление против христианской веры. «Сообщников», т.е. тех, кто был прикосновенен к преступлению, но близким родственником убитым не приходился, отдали, как и положено, в ведомство Сената для приведения в исполнение смертной казни.

Из текста манифеста о примерном наказании убийцы следует, что императрица нимало не сомневалась в своем праве наложения церковных наказаний в конкретном случае, без введения в законодательство новых норм, связанных с применением церковного покаяния. Екатерина, задумавшись, стоит ли подвергать преступников смертной казни и анафеме, запросила у «первейших духовных» (митрополита Новгородского и Великолуцкого Дмитрия, епископа Псковского Иннокентия и епископа Тверского Гавриила) справку из церковного законодательства, как следует поступать в данном случае. Посоветовавшись с архиереями, императрица назначила убийцам публичное церковное покаяние и помещение в северные монастыри под начал на 20 лет, определив конкретную меру церковного наказания, что само по себе входило компетенцию церковного суда. Более того, она разработала обряд, по которому осуществилось публичное покаяние Алексея и Варвары Жуковых.

Еще одним важным аспектом вмешательства императоров в XVIII в. в деятельность церковно-судебной власти, уже на этапе исполнения наказания, являлись «всемиловитейшие прощения» преступников (в XVIII в. понятия «помилование» и «амнистия» еще не разграничивались) монархом в честь какого-либо знаменательного события, чаще всего в честь коронационных торжеств или военных побед.

Так, в 1722 г. Петр I, освободив нескольких бывших священников и диаконов от каторжных работ, вернул им сан «для всемирной радости со Швецею короною

вечного мира» и отправил служить в города, присоединенные к России по итогам войны [13, № 569].

Елизавета Петровна сразу после восшествия на престол щедро простила всех «из **духовных**, военных, штатских и других чинов [выделено мной. – М.Б.]», виновных «в неисправлении должности своей и в непорядочных поступках [...] и в других винах» [14, №16] (кроме **государственных преступлений по всем трем пунктам** указа 25 января 1715 г. (*злой умысел на персону монарха или измена; возмущение или бунт; похищение казны* [15, № 2877]) и **особо тяжких партикулярных преступлений** (*разбой, кража, убийство*)). Подобная широкая амнистия, как и при Петре I, распространялась на священнослужителей, лишенных сана. Многочисленные прошения начала елизаветинского царствования завершились возвращением таковым «прощенным» священства [14, № 50, 83, 122, 155, 230].

Само по себе «прощение» преступников решением главы государства не рассматривается как вторжение в компетенцию судебной власти даже в современных условиях, когда разработана и более-менее применяется в жизнь теория разделения властей. Разумеется, никакой идеи отграничения судебной власти от иных ветвей в петровский период российского государства не проводилось.

Однако здесь следует особо обратить внимание на то, что такие помилования не ограничивались только снятием с осужденных светского наказания. Российские государи позволили себе прямое нарушение церковных правил, восстанавливая священнослужителей в сане: согласно правилам вселенских соборов и святых отец священник, раз отлученный, не может вернуться в сан (21 правило Трульского Вселенского собора; 3 правило Василия Великого), за исключением случаев, когда приговор пересматривается и признается неправосудным. В данном случае сан прощтрафившимся служителям Церкви возвращался без пересмотра приговора, а только в порядке монаршей милости. Вероятно, для Петра Великого и его дочери Елизаветы Петровны было важнее удовлетворение государственного интереса. Петру I было необходимо обеспечить насыщение новых приходов на присоединенных территориях православными пастырями, причем без отрыва действующих священников и диаконов от своих мест. Елизавета Петровна путем массового возвращения санов смогла быстро заполнить поредевшие в период правления Анны Иоанновны ряды священнослужителей, которых к началу царствования дочери Петра перестало хватать даже для минимального обслуживания церквей.

Исследователь вопросов карательно-исправительной деятельности Русской Православной Церкви А. Р. Павлушков указывает, что Петр I предоставил право духовенству подавать жалобу на высочайшее имя, «если она не будет рассмотрена духовным судом» [16, с. 72]. Судя по ориентировке автора, имеется в виду резолюция на 12 пункт докладных пунктов Святейшего Синода от 12 апреля 1722 г. [13, № 532]. Однако в этой резолюции рассматривается вопрос, напрямую не связанный с церковным судом, и уж точно не имеется разрешения на подачу челобитных императору. Напротив, повторяется запрет подачи челобитных о «партикулярных обидах». Лишь разрешается обратиться за помощью к царю, если «которая духовная персона или весь Синод во учиненной от знатного и сильного лица обиде нигде сатисфакции не получит». С учетом того, что подсудность дела еще с допетровских

времен определялась ведомственной принадлежностью ответчика, а по формулировке вопроса под «знатным и сильным лицом» явно понимался вельможа-мирянин, речь в данном пункте идет вовсе не о духовном суде, а о суде светском, от которого духовному лицу или даже Синоду не удалось добиться правды. Следовательно, хотя участие императора в церковном суде было возможно, но инициировалось лишь им самим в наиболее важных, по монаршему мнению, случаях (в порядке ревизии), а не по челобитной, которые были запрещены.

Заключение

Таким образом, в XVIII в. окончательно установилось отношение к монарху как к главе Церкви, что, естественно, подразумевало наличие полномочий в сфере церковного суда. Однако церковный суд императора, как и светский, был звеном скорее экстраординарным. В Духовном регламенте прямо указано, что высшей властью в духовной сфере обладает Святейший Синод (Духовное Правительство) и необходимо «судом его определенным довольствоваться», т.е. по общему правилу высшей инстанцией в церковном суде выступал Синод. Однако в случаях, которые монарх считал достойными своего внимания (при желании помочь конкретным лицам, ускорить затянувшееся судопроизводство, лично решить резонансное дело или по иной государственной необходимости), император мог принимать участие в решении конкретных церковно-судебных дел или полностью брать их в свои руки.

Само по себе участие монарха в процедурах церковного суда Православная Церковь не осуждала, принимая это как данность в условиях положения Церкви в качестве государственной. В условиях империи монарх даже мог ощущать свою роль хранителя православия едва ли не через принадлежность к клиру. Однако вмешательство императора, направленное не на восстановление церковного порядка, а на соблюдение государственного (или, хуже того, частного) интереса через нарушение церковных норм, разумеется, не могло позитивно оцениваться церковниками. В имперский период, по понятным причинам, прямого возмущения подобным вещам практически не проявлялось. Но позднейшие оценки исследователями из церковной среды синодального периода как времени государственного угнетения Церкви складываются в том числе из выявления подобных казусов некорректного с канонической точки зрения вмешательства императора в церковный суд.

Пристатейный библиографический список

1. Серов Д. О. Петр I как вершитель правосудия // *Cahiers du monde russe*. 2014. № 55 (1-2).
2. Лисовой Н. Н. Патриарх в Империи и Церкви // *Труды Института российской истории* / отв. ред. А. Н. Сахаров. Вып. 4. М. : Наука, 2004.
3. Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Алексеев А. И. Арсений (Мацеевич) // *Православная энциклопедия*. Т. 3. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001.

5. Асмус В. (прот.). Император Петр Великий и его церковная реформа // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 12.
6. Beck H.-G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz // Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. 1981. Bd. 384.
7. Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002.
8. Нижник Н. С. «Женитьба есть, а разженитьбы нет»: о проблеме расторжения брака в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1.
9. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. XL. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. 3. СПб. : Синодальная тип., 1912.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVII. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
13. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. II. СПб. : Синодальная тип., 1872.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. 1. СПб. : Синодальная тип., 1899.
15. Полное собрание законов Российской империи. Т. V. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
16. Павлушков А. Р. Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2014.

References

1. Serov D. O. Peter I as the Arbiter of Justice. *Cahiers du monde russe*, 2014, no. 55 (1-2). (In Russ.)
2. Lisova N. N. Patriarch in the Empire and the Church. In Sakharov A. N. (ed.). *Proceedings of the Institute of Russian History*. Vol. 4. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ.)
3. Uspenskii B. A. Selected Works. Vol. 1: Semiotics of History. Semiotics of Culture. 2nd ed. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1996. (In Russ.)
4. Alekseev A. I. Arseny (Matseevich). In *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 3. Moscow: Church-Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 2001. (In Russ.)
5. Asmus V. (Prot.). Emperor Peter the Great and His Church Reform. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2022, no. 12. (In Russ.)
6. Beck H.-G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz. *Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*, 1981, bd. 384.
7. Uspenskii B. A. Etudes in Russian History. St. Petersburg: Azbuka, 2002. (In Russ.)

8. Nizhnik N. S. "There Is Marriage, but There Is No Divorce": On the Problem of Divorce in the Russian Empire. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1. (In Russ.)

9. Polianskii P. L. Legal Regulation of Marital and Family Relations in Russian Society: History of the Formation of the Family Law Branch: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2016. (In Russ.)

10. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. XL. St. Petersburg: II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Printing House, 1830. (In Russ.)

11. Complete Collection of Decrees and Orders for the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire. The Reign of Empress Elizabeth Petrovna. Vol. 3. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1912. (In Russ.)

12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. XVII. St. Petersburg: II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Printing House, 1830. (In Russ.)

13. Complete Collection of Decrees and Orders on the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire. Vol. II. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1872. (In Russ.)

14. Complete Collection of Decrees and Orders on the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire. The Reign of Empress Elizabeth Petrovna. Vol. 1. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1899. (In Russ.)

15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. V. St. Petersburg: II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Printing House, 1830. (In Russ.)

16. Pavlushkov A. R. Punitive and Correctional System of the Russian Orthodox Church in the Imperial Period. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2014. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. А. Белоусова – аспирант.

Information about the author:

M. A. Belousova – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 24.11.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 24.11.2024; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 04.02.2025.